

вел этот дневник с 1 сентября 1926 г. по 31 октября 1927 г. на эскимосском слоговом письме, записывая изо дня в день события в семье и группе, к которой он принадлежал. К дневнику приложены географический справочник и таблица результатов охоты шести эскимосских семей Соутхемптона, составленная по материалам дневника.

В статьях Мак-Нейша и Роберта Уильямсона публикуются фольклорные материалы, собранные ими у индейцев эчаодине¹ в форте Симпсон. Авторы отмечают влияющие сюжеты европейской сказки на индейский фольклор.

Интересные материалы приводятся в «Замечаниях об аборигенном населении Квебека» («Notes on the aborigines of the province of Québec») миссионера Гонтрана Лавиолетта, составленных им на основании переписи коренного населения Канады, проведенной в 1951 г. отделом по индейским делам департамента гражданства и иммиграции, и переписи 1951 г.

Автор приводит данные о современном расселении индейцев и эскимосов Лабрадора и Квебека, о численности и занятиях каждой их группы. В конце статьи дана библиография главных источников о численности индейцев Канады и приложена карта расселения аборигенов рассматриваемого автором района, к сожалению, технически плохо выполненная. Это первая подобного рода работа по Канаде. Лавиолетт надеется провести такие же исследования по другим районам размещения коренного населения Канады, что, несомненно, будет содействовать дальнейшему изучению современного положения канадских аборигенов.

Исследованию современной культуры эскимосов островов Бельшера посвящена статья покойного К. Дезгоффа «Contact culturel: le cas des esquimaux des Iles Belcher». Автор описывает изменения в жизни эскимосов, происшедшие за последние годы, особенно в связи с открытием в 1954 г. железорудных разработок в районе их обитания. По его мнению, эти изменения ухудшили положение эскимосов.

К этой же группе материалов примыкает статья Радвянского «Anthropological structure of 101 esquimaux». В ней публикуются результаты обследования группы эскимосов Баффиновой земли и севера провинции Квебек. Обследовались туберкулезные больные во время их госпитализации в г. Квебеке. Сравнивая антропологические данные, автор обнаруживает более архаические черты в физическом типе эскимосов Баффиновой земли.

В журнале помещена статья давно не выступавшего в печати известного этнографа Канады Д. Дженнеса «Canadian Indian Religion» в которой интересен опубликованный рассказ одного индейца о том, как он стал шаманом, но этот материал значительно проигрывает от того, что не указано племя, у которого рассказ записан.

Общим вопросам науки посвящены две статьи. В одной из них — «Remarques sur l'étude des valeurs en anthropologie culturelle», Азен Баликчи, дает обзор изучения ценностей в американской этнографии. В интерпретации этой категории автор примыкает к американским этнопсихологам². Канадский лингвист Винеи в статье «Classification de la famille linguistique algonquin-ritwan» дает краткий обзор истории классификации индейских языков алгонкинской семьи с 1940 г. Автор справедливо считает, что настало время для сравнительного изучения индейских языков, которое позволит не только уточнить и проверить предлагаемые классификации, но и прояснит вопросы заселения Америки.

В отделе заметок об аборигенах Канады опубликованы две заслуживающие внимания короткие статьи сотрудника Монреальского ботанического сада Жана Руссо, являющиеся результатом его полевых наблюдений. В одной из них автор обращает внимание на специализацию у индейцев и эскимосов Квебека терминологии в отношении карibu, отмечающей различные периоды в жизни и состояние животного. Во второй корреспонденции Руссо останавливается на наблюдавшейся им практике распределения мяса животных — медведя, карibu, бобра, дикобраза, птиц — у охотников-индейцев Наскапи и Монтанье.

Журнал печатает также рецензии на новые этнографические труды.

В общем журнал интересен главным образом полевыми исследованиями канадских этнографов, которые до сих пор были мало известны. Надо полагать, что с выходом в свет журнала работа канадских этнографов по изучению коренного населения своей страны будет освещаться значительно шире и полнее.

Ю. Аверкиева

НАРОДЫ СССР

В. Я. Пропп. *Русский героический эпос*. Ленинградский университет, 1955.

Русский былевой эпос — один из богатейших эпосов мира — давно привлек к себе внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Основным вопросом, который больше всего волновал исследователей, был вопрос о происхождении и историческом развитии эпоса. Несмотря на обилие работ, вопрос этот остается одним из

¹ В английской и французской литературе они известны под названием «Рабы».

² См. критику концепции «ценности» в нашей статье «Материалы нью-йоркского съезда этнографов», «Советская этнография», 1955, № 4.

самых запутанных и нерешенных. Не будет особым преувеличением сказать, что заключений и предположений о генезисе эпоса в целом и конкретных его произведений было ровно столько, сколько было исследователей, бравшихся за решение вопроса. Нужно сказать, что и советской наукой, несмотря на усилия отдельных ученых (А. М. Астаховой, Д. С. Лихачева, В. И. Чичерова и др.), по этому вопросу сделано еще крайне мало. Вот почему появление солидной монографии В. Я. Проппа «Русский героический эпос» советской научной общественностью встречено с живейшим интересом.

Книга поражает читателя смелостью постановки научных проблем и широтой охвата материала. Как говорится в аннотации, «начиная с эпоса периода разложения первобытно-общинного строя, автор рассказывает о всех основных периодах исторической жизни русского народа: о русском эпосе Киевского государства, об эпосе периода феодальной раздробленности Руси и татаро-монгольского ига, об эпосе периода капитализма и о современном состоянии героического эпоса» (стр. 2). Несмотря на такую широту охвата материала, В. Я. Пропп сумел по-своему разобраться в нем, и вся книга отличается стройностью и согласованностью всех ее частей, она пронизана единой концепцией автора о возникновении, развитии и отмирании русского эпоса.

В общих чертах, в принципе схема развития эпоса, представленная исследователем, кажется убедительной. Особенно свежими, принципиально новыми представляются соображения автора о предистории русского эпоса — эпосе докиевского периода. Исследователи неоднократно указывали на то, что отдельные былинные сюжеты могли сложиться еще в докиевской Руси (различные исследователи указывали на различные сюжеты; А. Н. Веселовский, например, былину о бое Ильи Муромца с сыном относил даже к эпохе матриархата). Однако большинство исследователей, в частности и советских (А. М. Астахова, Д. С. Лихачев, В. И. Чичеров и др.), возникновение былин как жанра относят именно к Киевской Руси. В. Я. Пропп пересматривает общепризнанную точку зрения и утверждает, что «этот взгляд ошибочен. Он не может быть поддерживаем ни соображениями общетеоретического порядка, ни материалами. Данное убеждение исходит из предпосылки, что до киевского периода русские не имели эпоса. На самом же деле русские имели эпос задолго до образования Киевского государства. На киевскую эпоху падает уже его расцвет» (стр. 27). Так как прямых исторических свидетельств о существовании нашего эпоса в докиевский период не сохранилось, автор привлек материалы других народов (якутов, шорцев, нивхов и др.). Пользуясь сравнительным методом, В. Я. Пропп заключает, что эпос возникает не при возникновении государства, а раньше — при разложении родового строя.

Хотя эти выводы несколько категоричны и не могут считаться доказанными во всех деталях, они все же, несомненно, заслуживают внимания. Существование высоко-развитой эпической традиции в Киевской Руси — факт бесспорный и подтверждаемый историческими материалами, в частности нашей летописью (см., например, летописный рассказ о Кожемяке, по принципам типизации и по всей системе поэтических средств представляющий собой обычную былину). А если это так, то можно ли допустить мысль, что русский эпос сложился за небольшой сравнительно период времени и сразу же достиг необыкновенного расцвета? Несомненно, что былинный эпос должен иметь истоки в предшествовавшем эпическом творчестве. Но для того чтобы выводы В. Я. Проппа стали вполне обоснованными, нужна еще большая работа, нужны еще дополнительные исследования по ряду конкретных вопросов фольклористики и смежных разделов науки (этнографии, истории, археологии и т. п.).

Следует отметить удачу в анализе идейного содержания героического эпоса. Прослеживая основные этапы развития былин, В. Я. Пропп показывает, как изменилось их идейное звучание, определяемое общественными условиями времени. Идея русской государственности, идея патриотизма и выражение непримиримого чувства ненависти к классовым угнетателям — таков высокий пафос русского эпоса. Можно возражать против трактовки отдельных конкретных былинных произведений, но в целом автор хорошо справился с задачей, сделал ряд тонких, полных остроумия и пронизательности наблюдений.

В своем исследовании В. Я. Пропп справедливо опирается на достижения русской революционно-демократической науки, в особенности на исследования о русском эпосе В. Г. Белинского. В последнее время отмечать вклад революционных демократов в науку о народном творчестве стало традицией. Однако многие работы не идут дальше декларативного признания этого вклада и призывов использовать его в научных исследованиях. В. Я. Пропп одним из первых исследователей эпоса действительно глубоко проник в существо учения революционных демократов и использовал его в своей работе. Анализ идейного содержания и поэтической формы былин в связи с общественной жизнью народа — вот что выдвигал на первый план В. Г. Белинский при исследовании былин. Эту же задачу поставил перед собой и В. Я. Пропп. И он поступил правильно, исходя в своем анализе из самого материала, из текстов былин, а не из априорных построений.

Однако, в целом высоко оценивая книгу В. Я. Проппа, нельзя не отметить ряд ее серьезных недостатков и промахов.

Движение научной мысли вперед возможно лишь на основе обобщения всего того, что было сделано наукой раньше. Нельзя упрекнуть В. Я. Проппа в том, что он обнаружил неосведомленность в материале, что он не изучил работ своих предшествен-

ников. Как и в своих прежних трудах, автор и здесь поражает широтой своих знаний, необычайной эрудицией в изучаемом вопросе. Но, и это главное, он почти совершенно игнорирует весь опыт науки прошлого. Он, как правило, не считает даже нужным довести до читателя те мнения и суждения по данному вопросу, которые были высказаны раньше. Обычно в таких случаях В. Я. Пропп отсылает своих читателей к «Приложениям», напечатанным петитом в конце книги. Если же иногда он и приводит в тексте книги мнения предшественников, то расправляется с ними легко и быстро. Так, например, говоря об исследователях, занимавшихся былиной об Иване Годиновиче, он заключает: «Итог литературы об Иване Годиновиче сводится к тому, что сюжет ее — не русский, а пришедший либо с Востока, либо с Запада. Былина признается поздней, ей приписывается сказочный характер. Художественные качества ее считаются низкими. Она будто бы бледна и не оригинальна. Ни одно из этих утверждений не верно. Былина эта не иноземная, а русская, не поздняя, а весьма ранняя и в некоторых частях весьма арханчная, художественно чрезвычайно яркая» (стр. 122). Казалось бы, в дальнейшем изложении автор станет доказывать ошибочность суждений всех инакомыслящих исследователей. Но этого нет. Он сразу же приступает к анализу содержания былины, который, впрочем, сводится здесь к анализу различных ее вариантов.

В. Я. Пропп часто считает достаточным определить своих противников эпитетом «буржуазные» и на этом закончить полемику с ними. Недооценка значения науки прошлого доведена здесь до предела. Это, однако, не мешает автору часто некритически пользоваться выводами тех, кого он критикует. Так, категоричные заявления В. Я. Проппа о том, что «Илья Муромец родом из города Мурома или села Карачарова, Добрыня — из Рязани, родина Алеши Поповича — Ростов, Дюка — Галич» (стр. 61), есть не что иное, как выводы из работ критикуемых им буржуазных исследователей. Естественно, что мы не можем принять всей концепции сравнительно-исторической и других школ фольклористики. Но как бы к ним ни относиться, мы не должны игнорировать тех результатов по конкретным вопросам, которые ими достигнуты.

Еще более удивительно отношение автора к западноевропейской науке, которая русским былинам уделяла и уделяет большое внимание. В. Я. Пропп даже в примечаниях не счел нужным упомянуть о работах западноевропейских исследователей. А между тем исследования Дюмезиля, Траутмана и многих других ученых посвящены как раз тем вопросам, которые решает и сам В. Я. Пропп.

Опираясь на методологию революционных демократов, В. Я. Пропп иногда не замечает слабости некоторых их отдельных положений и выводов и восторгается тем, что может вызвать критические замечания. Так, анализируя былину о неудавшейся женитьбе Алеши Поповича, В. Я. Пропп отмечает: «То, чего не понимали буржуазные ученые, прекрасно понял Белинский. Дав каждому из героев краткую характеристику, поскольку это позволяли материалы, и обрисовав их отличия, Белинский пишет: „Добрыня всегда держит камень за пазухой против Алеши. Не такого мужа, как Алеша, он желает своей жене в случае смерти. С ним она не будет счастлива“» (стр. 267). К сожалению, подобных оценок В. Я. Проппом частных, ничего не значащих замечаний Белинского в работе довольно много. Нужно отметить и то, что иногда В. Я. Пропп слишком свободно и своеобразно толкует отдельные высказывания революционных демократов.

Такое отношение к науке прошлого отрицательно сказалось и на анализе самого материала.

Критика текста, начальный этап всякой научной литературоведческой работы приобретает особое значение при работе над фольклорным материалом. При непрерывной подвижности текста, при наличии десятков, а может быть, и сотен вариантов одного и того же произведения, естественно, возникает вопрос о критериях оценки материала. К сожалению, таких твердых критериев науки пока еще не установлено. Перед исследователем фольклора, таким образом, возникает крайне трудная задача.

В. Я. Пропп видел перед собой эту трудность. И он, несомненно, прав, заявляя, что «строго говоря, рисуя полную (подчеркнуто В. Я. Проппом.— Л. У.) картину сюжета, исследователь дает картину, не подтверждаемую (за редкими исключениями) ни одной конкретной записью. И тем не менее дать такую картину совершенно необходимо, и задача эта научно оправдана. Это не «архетип», не «основная редакция», не «сводный вариант», — это раскрытие народного замысла во всей его совокупности и художественной цельности» (стр. 22). И совершенно очевидно, что единственным методом «раскрытия народного замысла» является, как это правильно утверждает В. Я. Пропп, метод сопоставления вариантов. Другого пути пока нет. Кстати сказать, к этому методу прибегали все исследователи былин: и Ф. И. Буслаев, и О. Ф. Миллер, и А. Н. Веселовский, и В. Ф. Миллер, и многие другие.

Но что означает слова: «раскрыть народный замысел»? Никто же не станет утверждать, что замысел произведения, прожившего тысячелетие в устной передаче, оставался неизменным. Поэтому, очевидно, произведения и переживали века, что они отвечали постоянно изменяющимся запросам жизни, сами изменяясь в соответствии с этими запросами. Иначе говоря, каждая эпоха вкладывала в это произведение свой смысл, свое содержание. Не случайно поэтому произошло в былинах хронологическое

смещение событий: в княжение Владимира русский народ ведет ожесточенную борьбу против татар.

Какова же при таких условиях должна быть сама методика сравнения вариантов? Можно ли, допустим, принять за истинный критерий большинства вариантов? Очевидно, не всегда. Может случиться так, что большинство вариантов относится к позднему времени; может случиться, что они записаны от сказителей одной былинной традиции (например, онежской); может случиться и так, что большинство вариантов будет восходить к одному какому-либо книжному источнику и т. д. и т. п. Если это так, то есть ли основания предпочитать единичные варианты большинству? Все эти вопросы давно поставлены наукой, но, к сожалению, еще не решены (см., например, критику исторической школы в работе А. П. Счафтымора «Поэтика и генезис былин», Саратов, 1924).

Определяемый задачей исследования субъективный произвол в оценке вариантов царил в фольклористике всегда. Приходится сказать, что субъективизм характерен и для работы В. Я. Проппа. Автор даже не поставил перед собой задачи выработки критерия оценки вариантов, или, правильнее сказать, таким критерием является для него цель, к которой он стремится. Иногда он предпочитает большинство вариантов единичным записям, иногда единичные записи предпочитают большинству.

Возьмем для примера анализ исследователем былин о Казарине. В начале этого анализа, сравнивая различные варианты былин, он приходит к выводу, что нужно положить «в основу изложения преобладающий тип, преобладающий во всех районах, где были записаны былины, а именно тот, который начинается с выезда Казарина...» (стр. 150). При дальнейшем анализе «преобладающий тип» вариантов явно не устраивает исследователя, так как в нем похитителями девушки — сестры Казарина — всегда выступают татары, а ему нужно доказать, что былина — дотатарская. И вот он находит, что «в одном беломорском варианте девушку уносит „змея семиглавая“» (стр. 156). А это как раз то, что нужно исследователю, потому что «похищение женщины составляет один из главных предметов в догосударственном эпосе. Там оно обычно совершается чудовищными существами, хозяевами и обитателями иного мира, обычно имеющими животный облик» (стр. 155).

И так во многих случаях. В сущности, это уже не метод сопоставления, ибо при таком использовании деталей доказательства неизбежно будут произвольны. Таким методом можно, например, доказать, как это делает В. Я. Пропп на стр. 77 своей работы, что русские крестьяне знали закон всемирного тяготения задолго до Ньютона. Во многих былинах Алеша Попович выступает как «бабий пересемщик». В. Я. Пропп же находит эту черту в образе богатыря случайной, а образ Василия Булаева представляется исследователю чем-то вроде русского Прометея, борца за народное счастье и т. д.

Аргументация доказательств в рецензируемой работе недостаточна и при определении времени возникновения отдельных былин. Так и остается недоказанным, например, отнесение «Дюка» к позднему времени или былины о Святогоре к древнейшей поре. Что заставило В. Я. Проппа отступить от общепризнанного мнения о том, что Святогор — поздняя былина, так и остается неясным. В книге В. Я. Проппа Святогор стал героем «тех времен, когда величина и сила были основными признаками героя» (стр. 75), т. е. героем докиевской Руси. Так же произвольно в ряде случаев выделяется и главная тема былины. В. Я. Пропп, придя к выводу, что былины о сватовстве — древнейшие, отнес к ним и те былины, в которых о сватовстве нет даже и намека (например, былина о Садко).

Субъективизм в подходе к материалу, естественно, приводит к субъективизму в его оценке, и это также отразилось в книге В. Я. Проппа.

В рецензируемой работе, как следует из сказанного, есть некоторые серьезные недостатки. Но в целом написанная им книга должна оцениваться не по этим недостаткам, а по тому ценному, что в ней имеется. Недостатки работы В. Я. Проппа объясняются не столько его субъективными промахами, сколько общим состоянием науки. В этих условиях смелость автора, взявшегося за решение самых сложных вопросов науки о народном эпосе, не может не быть одобрена, а появление его книги, посвященной исключительно важным проблемам фольклористики, следует рассматривать как большое положительное явление.

П. Д. Ухов

В. Ю. Крупянская и С. И. Минц. *Материалы по истории песни Великой Отечественной войны*. Труды института этнографии АН СССР, Новая серия, т. XIX, М., 1953.

Изучение устнопоэтического творчества советского народа периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — трудная, но почетная задача, стоящая перед советскими фольклористами. В художественных, глубоко волнующих образах безвестные авторы фронтовых и партизанских песен отобразили ход Великой Отечественной войны, веру в победу народа. Живая летопись войны — песни, пословицы, частушки — продолжают жить и по сей день своеобразной творческой жизнью, жить как воспоминание о пройденном и пережитом.